

Иванов С.Г.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОСТУЛАТОВ РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Вашингтонский консенсус послужил основанием для выработки предписывающих рекомендаций, в соответствии с которыми определялся набор и пропорции практических мер по реформированию экономики для постсоветских стран в начале 90-х годов прошлого века.

Основными результатами политики «Вашингтонского консенсуса», как вульгаризированной версии приложений неоклассической теории, отличающейся примитивизацией экономической политики, в постсоветских странах стали: дезинтеграция экономики, резкое ухудшение благосостояния населения, снижение эффективности и конкурентоспособности производства, его структурная деградация, глубокое разрушение научно-производственного потенциала, рост безработицы и т.д. Обладая квалифицированными трудовыми ресурсами и значительным научно-технологическим потенциалом, а также природными ресурсами, в результате проводившейся экономической политики постсоветские страны стали бедными государствами. Вопреки многочисленным декларациям и обещаниям проводников политики «Вашингтонского консенсуса», ее последовательное осуществление не привело к экономическому подъему. И не могло привести вследствие глубокого разрушения основных воспроизводственных контуров и хозяйственных связей, составляющих каркас экономической системы.

Реальные результаты практического применения основных постулатов рыночного фундаментализма подтвердили несостоятельность последних.

Первый постулат, на основе которого строилась политика реформ, заключался в том, что государству надо самоустраниться от экономического регулирования, и рыночные механизмы сами обеспечат распределение ресурсов оптимальным образом. Практическое применение этого постулата привело к гиперинфляции в начале девяностых годов, когда в отсутствие государственного регулирования субъекты рынка, используя свое монопольное положение, перекладывали издержки друг на друга. Возникла инфляция издержек, когда в технологических цепочках разорванных процессом приватизации, каждый участник производственного процесса пытался максимизировать цены, пользуясь безальтернативностью кооперационных связей, определенных сложившейся технологической структурой советской экономики. Жесткость технологических цепочек привела к тому, что стремление каждого постсоветского предприятия, оторванного от других возникшими границами и процессами приватизации, максимизировать прибыль привело к гиперинфляции издержек. Она вызвала обесценивание сбережений и

основного капитала, стимулировала отток капиталов за рубеж.

Произошла либерализация цен и их стремление к выравниванию в соответствии с мировым уровнем. Государство само спровоцировало инфляцию при либерализации цен, взвинтив инфляционные ожидания рассуждениями правительственных экономистов о вероятном трехкратном повышении цен на энергоносители. Бухгалтера откликнулись на этот ориентир, заложив его в калькуляции.

Несостоятельным и практически вредным оказался другой постулат рыночного фундаментализма о недопустимости активной денежно-кредитной политики и сведении последней к жесткому количественному регулированию денежной массы. Предполагалось, что при помощи инструментов макроэкономической стабилизации за счет количественного регулирования денежного предложения удастся обеспечить макроэкономическую сбалансированность и подавить инфляцию. Экономика отреагировала на сжатие денежной массы массовыми неплатежами и бартерными операциями, породив разнообразные денежные суррогаты, что привело к существенному ухудшению качества денег и только усугубило инфляцию, вызвало глубокое расстройство денежного обращения.

Зона действия национальных валют была сокращена, монетаристская политика привела к установлению жесткого контроля объема денежной массы и практическому осуществлению в период между 1994 и 1996 гг. политики привязки национальных валют к доллару, что привело к значительной переоценке местной валюты с точки зрения реальной стоимости (+90%).

В коллективной монографии «Обучение рынку» был приведен анализ всех этих процессов на примере разных стран. Многократные исследования зависимости между приростом денежной массы и темпом инфляции, предпринимавшиеся исследователями по динамическим рядам всех стран с переходной экономикой, доказали, что статистически значимой зависимости нет. Вопреки предположениям рыночных фундаменталистов практический опыт доказал, что не существует формулы, которая бы описала зависимость между приростом денежной массы и темпом инфляции, потому что инфляция – явление многомерное.

Не подтвердился еще один, многим казавшийся очевидный постулат рыночного фундаментализма о том, что частная собственность всегда эффективнее государственной. Опыт перехода к рыночным отношениям доказал, что принципиальное значение для эффективности управления имуществом имеет способ его приобретения. Страны пережили

быструю и экстенсивную приватизацию. Реализованная во многих постсоветских государствах купонная модель приватизации дала противоположный результат. Многие собственники, овладевшие предприятиями, часто не вполне законным способом, не имея во многих случаях управленческого опыта и необходимых знаний, разорили случайно доставшиеся им предприятия, распродали производственные фонды или, в лучшем случае, сдали их в аренду. При этом, чем сложнее была технология производства и выше технический уровень выпускаемой продукции, тем хуже оказывалась судьба приватизированных предприятий. Производительность труда сократилась в четыре раза по сравнению с уровнем, достигнутым на государственных предприятиях в Советском Союзе в 1990г.. Границы открылась для процессов международного перемещения капиталов, в том числе и краткосрочных. Стандартная макроэкономическая стратегия апеллирует к сильной исполнительной власти и оттесняет на второй план задачу построения институтов реальной демократии.

Проблемы, возникшие в процессе социальных трансформаций в постсоветских странах, делают закономерным тот факт, что адекватность рекомендаций ставится под сомнение. По мнению Ж. Сапира «в период с 1992 по 1998 гг. процесс экономической трансформации рассматривался через призму упрощенных макроэкономических доктрин. Не следует забывать, что макроэкономические предписания всегда должны быть подкреплены микроэкономическим анализом. Последний имеет своим объектом институциональную систему (правила и стандарты, характерные для каждого конкретного рынка) и структурную организацию (происхождение компаний, состояние инфраструктуры, качество трудовых ресурсов). Такой анализ игнорировался в рамках подходов, сформулированных Вашингтонским консенсусом. Необходимость изучения структурных аспектов, прежде всего динамики производства и распределения, и их учета в экономической политике только сейчас начинает осознаваться как актуальная задача».

Критика по поводу осуществляемых реформ начала звучать уже в 1992-1993 гг. Во всех странах с переходной экономикой воплощение стабилизационных программ приводило к значительному экономическому спаду. Это дало основания Р. Портесу предположить, что подобная политика порочна, поскольку отказывается принимать во внимание микроэкономическую и институциональную ситуацию, которая в странах с переходной экономикой значительно отличается от условий в государствах с развитой рыночной экономикой. Резкое сокращение потребления, характерное для традиционных стабилизационных программ, приводит к постепенному замедлению процессов реструктуризации на микроэкономическом уровне. Подобные явления позволяют заключить, что экономический спад сам по себе является причиной

инфляции. Более того, «с достаточной очевидностью установлено, что последствия общего спада бьют по мелким и средним предприятиям гораздо тяжелее, чем по крупным компаниям». В контексте экономик, формирующихся на базе бывшей советской хозяйственной системы, этот фактор оказался наиболее существенным: он способствовал замедлению темпов становления новых частных компаний, появление которых было необходимо для реструктуризации промышленных предприятий. Негативные последствия монетаристской политики сказались в сфере потребления, с точки зрения его количества и качества, что в свою очередь ослабило ее положительный эффект в сфере контроля над спросом. Внимание к мероприятиям макроэкономического плана было сочтено неоправданно преувеличенным, а также было выдвинуто предложение сместить акценты: приоритетом должна быть не борьба с инфляцией как таковой, но усилия, направленные на подъем производства и увеличение инвестиций. Говоря в целом, эффективность традиционных инструментов стабилизационной политики была поставлена под сомнение в контексте проблемы общей архитектурной структуры экономики и обусловленного ею микроэкономического поведения. Кроме того, внимание, уделяемое отдельными авторами выявлению истинных причин экономического застоя, не означает их согласия с радикальной монетаристской политикой. Готовность к тому, чтобы пожертвовать рублевой зоной, как предлагал Дж. Сакс, в интересах монетаристской политики, могла бы быть в значительной степени охлаждена своевременным учетом подстегивающего депрессию факта упадка торговых отношений в СНГ, что было прямым порождением этой политики.

Полемика о природе стабилизационной политики в странах с переходными экономиками не затихала никогда, о чем, в частности, свидетельствует выпуск журнала *Economie Internationale* № 54 за 1993г., в котором ряд материалов посвящен полемике со стандартными макроэкономическими программами. Эти аргументы были в последующем развиты в многочисленных публикациях.

Одна из этих работ показывает необходимость построения сильной системы платежей и переводов: игнорируя эту задачу, жесткая политика в монетарной и бюджетной сфере может стать опасной для финансовой системы в целом. Другая посвящена проблемам банковской системы. Сама специфика постсоветской банковской системы такова, что любая жесткая монетаристская политика становится потенциально опасной. Третья анализирует все болезненные последствия стабилизационной программы ортодоксального типа, которые непременно скажутся в полной мере в постсоветских условиях. Чрезмерно жесткая монетаристская политика давала толчок к таким явлениям, как внутренние задолженности компаний и негативный отбор в банковской системе. Возрастание системного

риска в финансовой сфере и замедление роста инвестиций и процессов реструктуризации способствовали консервации структурных оснований дестабилизации. Стремительное сокращение расходов в социальной сфере подстегивало депрессию, содействовало процессам замещения национальных институций локальными и затрудняло адаптацию рынка труда к меняющимся условиям.

Ряд непредвиденных обстоятельств поставил под сомнение адекватность мер, предлагаемых Вашингтонским консенсусом. Подобные процессы были, в той или иной степени, предсказаны критиками, а потому было бы преувеличением говорить, что произошедшее было абсолютной неожиданностью. На самом деле, можно говорить о жесткой логике в композиции обстоятельств, приведших к современной ситуации, даже если эту логику нельзя признавать объективной в рамках методологических и теоретических установок, разделяемых ортодоксальными экономистами.

Демонетаризация постсоветских экономик стала явлением, противоречащим прогнозам, выработанным в контексте теоретических установок традиционной макроэкономики. Замедление инфляции способствовало тому, что компании перестали использовать национальные валюты во взаимных расчетах. Таким образом, очевидно, что мы имеем дело со специфической монетарной динамикой, которая, несмотря на любые расчеты, была порождена политикой, сознательно понизившей уровень ликвидности экономики.

Низкая инфляция не привела к ожидаемому результату: расширению денежного обращения. Для этого необходим чисто операционный подход к деньгам. Рост демонетаризации породил тенденцию к фрагментации денежной системы, что и предсказывалось в критических откликах.

Следовательно, свободное ценообразование, в целом осуществленное к 1997г. и строгая бюджетная политика не являются мерами, достаточными для того, чтобы деньги стали унифицированным элементом системы обращения. Этот факт требует переосмысления рассуждений об обязательности сокращения бюджетных расходов. Необходимо также отказаться от взгляда на денежную стоимость как причину дефицита и воспринимать ее лишь как один из факторов в системе рыночных отношений: только тогда можно будет адекватно оценивать экономические реалии. Демонетаризация, по существу, стала формой отказа от ценовой системы, воспринимавшейся некоторыми как слишком обременительная. Эта тенденция продемонстрировала способность использовать другую ценовую систему, что и достигалось отказом от денег в период низкой инфляции.

Воздействие стабилизационных мер на экономическую активность было противоречивым по своим последствиям. Факторы, способствовавшие спаду экономической активности, легко идентифицируются и многие из них не связаны прямо с

жесткой монетаристской и бюджетной политикой. Наиболее очевидным из этих факторов можно считать сокращение военного производства в России и его полную ликвидацию в Кыргызстане. Следует упомянуть дезорганизацию, вызванную упразднением СЭВ и последующим распадом СССР. Наконец, следствием стабилизационной политики можно считать разрушение торговых связей между предприятиями, поскольку одной из главных причин этого процесса была ликвидация единой, для постсоветских стран, рублевой зоны – прямой итог этой политики.

Преувеличением было бы утверждать, что экономическая депрессия была следствием исключительно стабилизационной политики, однако не следует искать адекватных объяснений только во внешних по отношению к этой политике обстоятельствах. Для того, чтобы получить более объективную картину, необходимо детально рассмотреть ряд проблем.

Прежде всего, внимания заслуживает то обстоятельство, что существует очевидная взаимосвязь между долей компаний, не занимавшихся инвестициями и падением потребления, о чем свидетельствует портфель заказов предприятий. Финансовая ситуация предприятий, вынужденных в условиях сокращения спроса свертывать свои кредитные программы оказывала прямое влияние на инвестиционный климат. Приведенные факты свидетельствуют о том, что замедление роста цен не оказывало прямого позитивного влияния на принятие решений на микроэкономическом уровне.

Подводя итоги можно констатировать, что результаты макроэкономических реформ в постсоветских странах не совпали с предсказаниями, которые делались в процессе составления программ и рекомендаций. Сами авторы изменили характер своих утверждений после того, как очевидными стали последствия реализации этих рекомендаций. Неолиберальные доктрины подрывают образование и здравоохранение, ведут к росту неравенства и уменьшают долю труда в доходах. Поскольку сегодня признается реальная значимость таких явлений, как государство и институции, необходимо подвергнуть критическому пересмотру всю совокупность рекомендаций и требований Вашингтонского консенсуса. Сравнение стандартной макроэкономики и реальности ставит адептов этой экономической парадигмы в положение, когда им необходимо пересматривать ее фундаментальные теоретические основания.

Литература:

1. При пересчете темпов спада производства для экономики Кыргызстана относительно 1990г. картина снижения показывает, какая доля производства оставалась в каждом году. Так, в 1992г. снижение составило 26,7%, в 1993 г. – 44,7%, в 1994г. – 60,1%, в 1995г. – 65,1%. Падение производства в различных регионах Кыргызской Республики составило от 35 до

- 70%. Структура отраслей при этом и специализация регионов оставались прежними, хотя происходило перераспределение их объемов как во внутривнутриреспубликанской, так и внутриотраслевой структуре. Продукция многих конечных стадий обработки (особенно машиностроения) оказалось неконкурентоспособной, теряла рынки сбыта, являлась невостребованной. (См.: Социально-экономическое развитие Кыргызской республики. 1993-1999г. – Бишкек.: Нацстатком КР, 1999.)
2. Уровень официально зарегистрированной безработицы, рассчитанный по отношению к экономически активному населению, возрос с 2,9% в 1995г. до 5,5% в 1999г. В 1997г. численность безработных составила 103,5 тыс. человек, к 1999г. – 173,5 тыс. человек. По территориальным регионам Кыргызстана около 80% безработных приходится на густонаселенные регионы - г. Бишкек, Чуйскую, Джалал-Абадскую и Ошскую области. Состояние экономики наименее развитых регионов – Таласской и Нарынской областей привело к тому, что наибольшая часть молодого населения мигрировала в наиболее развитые регионы - г. Бишкек и Чуйскую область. (См.: <http://www.polysphere.org/news/?id=83>)
 3. Годовые темпы инфляции в Кыргызской Республике имели величины: в 1991г. – 180%, в 1992г. – 1259%, в 1993г. – 1365%, в 1994г. – 87%, в 1995г. – 31,9%, в 1998г. – 17,5%, в 1999г. – 32%. (См.: Шестакова В.И. Формирование региональной экономики Кыргызстана в период перехода к рыночным отношения // Полисфера. – 26.10.2008. – <http://www.polysphere.org/news/?id=83>).
 4. С 1993г. правительством Кыргызстана начала проводиться жесткая монетаристская политика в экономике. Национальный Банк Кыргызской Республики (НБКР) стал независимым и начал проводить жесткий контроль за денежным обращением, не допускающим роста денежных агрегатов, тем самым, пытаясь сдержать темпы инфляции. В мае 1993г. была введена национальная валюта – сом. НБКР стремился поддерживать стабильность национальной валюты и сдерживать инфляцию и это ему до 1998г. удавалось. С августа 1999г. курс доллара стал расти. (Шестакова В.И. Формирование региональной экономики Кыргызстана в период перехода к рыночным отношения // Полисфера. – 26.10.2008. – <http://www.polysphere.org/news/?id=83>).
 5. К примеру: предприниматели в этот период платили от 10 до 30% комиссионных за обналичивание. Невозможность изыскать наличные деньги на выплату заработной платы вынуждала работодателей выдавать заработную плату либо собственной продукцией, либо товарами, обменными по бартеру.
 6. *Сапир Жак*. Вашингтонский консенсус и российские реформы: история провала // Междунар. журн. социальных наук. – М.: 2001. – № 33. – С. 53-66
 7. Обучение рынку. Глазьев С.Ю., Болотин Б.М., Куликова Н.В., Глинкина С.П., Дорофеюк А. А., Кульков В.М., Московская А.А., Наумов И.Н., Синицына И. С., Чернявский А. Л., Бузгалин А.В., Колганов А.И., Гохберг Л.М., Нижегородцев Р.М., Глазьев С.Ю., Дерябина М.А. – М.: Экономика, 2004. – <http://www.chtivo.ru/chtivo=3&bkid=507235.htm>
 8. *Глазьев С.* Кто и как разрушал СССР. – 02 мая 2006. – www.glazev.ru
 9. *Сапир Жак*. Указ. соч. – С. 53-66.
 10. Жак Сапир – экономист и специалист по современной России. Возглавляет Центр по изучению форм индустриализации и отдел докторантуры и занимается сравнительными исследованиями процессов развития в высшей школе по изучению социальных наук в Париже (54 Boulevard Raspail, 75006 Paris. Email: sapir@msh-paris.fr). С 1991г. исполняет обязанности председателя двусторонней франко-русской группы, изучающей проблемы монетаристских и финансовых преобразований.
 11. *Сапир Жак*. Указ. соч. – С. 53-66.
 12. Portes, 1993.
 13. Islam, 1993.
 14. Gertler, Gilchrist, 1994.
 15. Ellman 1994.
 16. Bhaduri, Laski, Levcik, 1993; Islam 1993.
 17. Zhukov, Vorobyov, 1992.
 18. Economie Internationale. – №54. – 1993.
 19. Aglietta, Moutot, 1993.
 20. Pitiot, Scialom, 1993.
 21. Sapir, 1993.
 22. Rodionov, Grjaznov, Terent'ev, 1998.
 23. Murreil, 1991; Van Hees, Garretsen, 1994.